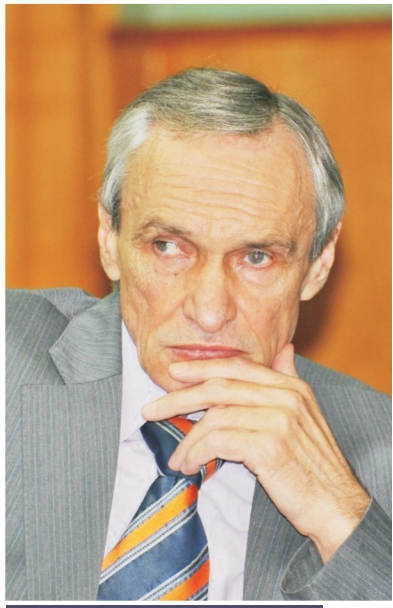

Внимая музыке эфирной

Слово переводчика

На заре туманной юности кто-то дал мне почитать аккуратный бежевый томик неведомого писателя. «Эдгар Аллан По. Избранное», — гласило золотое тиснение на обложке. В те вольнодумные шестидесятые годы прошлого века страсть к иностранным именам царил повсеместно, явно и тайно. Несчётно плодились всевозможные Эдики, Радики, Эрики, Марики, Рудики и подобные. Странно, но у меня эти «звучные» имена сразу вызвали стойкое отторжение. И не без причины, ибо их владельцы, как правило, почему-то отличались резкой самоуверенностью и открытой самовлюбённостью при

Лев КОЛТУКОВ

И вот аж Эдгар Аллан По! Звучно, загадочно, необычно — и почти враждебно отпечталось неведомое имя в сознании. Как оказалось, навсегда, ибо Эдгар По на всю жизнь стал моим самым чтимым иноязычным поэтом. Современник наших национальных гениев, — Пушкина и Лермонтова — он дошёл до меня, несмотря на косноязычие ремесленных переводов и неверность вольных переложений. Трагическая жизнь Эдгара По, истинного гения всех времён, оказавшего огромное влияние на мировую литературу, даже на самого Достоевского, просто поражала своей безнадёжностью и обречённостью.

И вот уже не на заре весенней юности, а в сумерках тяжёлой осени, внимая эфирному голосу Эдгара По, в глухих дождях и снегах Переделино, на отшибе литературной жизни, я вдруг отчётливо подумал: а зачем маяться чужими переложениями автора знаменитого «Ворона» с английского на скверный русский? Я сам, слава Богу, не совсем чужд поэзии и не напрасно столько

лет долбил в школе и в институте немецкий, чтобы не справиться с английскими глаголами. А переводу-ка я Эдгара По для личного пользования, ибо общеизвестно: вещи, сделанные для себя всегда лучше сделанных на продажу.

Да и вообще, как правило, знание чужого языка, порой даже прекрасное знание, абсолютно не гарантирует перевод адекватный оригиналу. И это правило почему-то почти без исключения. Примеров сему несть. Достаточно вспомнить многострадальных Шекспира и Бёрнса, под переводами коих стоят весьма и весьма известные литературные фамилии. Вот таким, как говорится, путём...

Но если взглянуть на ситуацию со стороны, то, мягко говоря, она предстаёт немного странной, даже нелепой. Какой-то безвестный русский Лев Котюков, не владеющий английским, вдруг ни с того ни с сего в литературной глуши Переделино, без всякой выгоды для себя стал переводить американца Эдгара По!..

Что-то не слыхивали мы, что где-то за атлантическими водами, в глухомани американской, неведомые чудаки и подвижники слова бескорыстно переводят на английский Пушкина или Лермонтова. Но, как знать, может, и переводят, дабы спасти свои души от одиночества, безумия и тоски мировой.

Жаль только, что не нужно это нынче никому. И никто не озаботится помочь безвестным чудакам и трудягам. А, впрочем, не жаль.

Страшно, когда о тебе некому заботиться, но легко, когда вдруг ясно понимаешь, что тебе никто не нужен, кроме Бога. И мне достаточно эфирной музыки великого, несчастного Эдгара По, его вечной музыки, летящей над мороком тьмы зримой и незримой. Я внимаю невыразимой музыке эфирной, и плоть английских слов легко

обретает русскую душу.

Несчастен, кто надеется на Бога только в жизни земной! Эдгар По не надеялся на жизнь земную — и был несчастлив. Не надеялся он и на солнце славы и память человеческую. Он даже на вечное забвение не надеялся... Но осмелюсь предположить, — был счастлив надеждой на жизнь иную. И уверен: он обрёл эту иную жизнь. И обрёл её сполна, ибо вера — это талант души.

Но каркает во тьме незримой вещей Ворон Эдгара По, почти уподобляясь чёрному человеку Пушкина и Есенина:

Никогда!!!
Никогда!!!
Никогда!!!

Но что есть это пресловутое громовое «Никогда!!!» вкупе с безмолвным ничто?!

И то, и другое — невозможное в возможном. Только и всего...

Но что не возможно человеку, то возможно Господу, ибо Он не ведаёт человеческого никогда и нечеловеческого ничто. Он вечен, как неповторимое, — в возможном и невозможном. И эта невозможная неповторимость всегда в нас, в душах наших, ибо бессмертие души человеческой обретается на Земле, и мера истинному таланту — вечность.

Осмелюсь надеяться, что мои невольные, многострадальные переводы движимы волей Божьей. И ещё хочется верить, что не бесполезна моя скромная попытка, теряя своё, отдать себя в Слове другому ради любви, ибо любовь — это вечный суд Правды. И да не осудит меня благосклонный читатель за человеческую и творческую откровенность.

Невольные переводы

Беру чудов,
Отдаю своё!
И не остаётся во мне чужого.
И своё сгорает без остатка.
Но Бог во мне, и я — в Боге!
И нет ни своего, ни чужого...
Любящий Бога без выгоды
обладает истинным знанием,
ибо проходит образ мира сего.

Линор

Расколот кубок золотой! Прощай, душа, навек!
Скорби, мой друг, о той, чей дух во тьме Стигийских рек.
О, где твой мир, Гои де Вир?! Склони к земле свой взор.
Земля молчит, в гробу лежит душа любви — Линор.
Пусть голос тайных панихид в беде навек со мной,
Пусть слышим мы из тишины псалмы в тоске немой.
О той, что дважды умерла, оставшись молодой.

Вы все — безумцы, перед ней — двуликий сонм теней,
И демон вам шептал средь скал: «Она умрёт, Бог с ней...»
О, как вы можете скорбеть и гимны петь о той,
Кто глазом вашим был убит и тёмной клеветой.
О дважды умершей красе, безгрешно молодой.

Раскалясь! Слова забудь — и не томись мольбой,
Чтоб дух живой красы святой стал вечною землей.
Она невинною была, она не знала зла.
Без свадебной фаты Линор, твоя Линор, ушла.
И ты в безумье, и в тоске, и в скорби неземной,
И ореол вокруг неё, как пламень ледяной.
Сияют локоны её, но взор овеян тьмой.

Все вон пошли! В душе моей — ни скорби нет, ни тьмы.
Не панихиду я пою, а светлые псалмы.
И пусть навеки сгинет сон угрюмых похорон,
Чтоб не был чистый дух души безумием смущён.
От сонма бесов светлый дух отводит Божий крест,
Из мрака тёмных адских скал, в обители Чудес,
Где в золотом огне престол Властителя Небес.

Проходит образ мира сего,
но любовь остаётся навсегда.
Степень страдания
бессмертной души Божьей
за пределом
нашего знания и земных чувств.

Улялюм

Небеса опали с листвою.
Ртутным пеплом шуршала листва,
Неземное шептала листва.
Шёл октябрь одинокий со мною,
Брёл за мной нескончаемый год.
Стыло озеро Обер лесное
В тихом сумраке области Нодд,
И таили в земном — неземное
Сонмы призраков зарослей Нодд.

Брёл один я аллеей титанов —
Кипарисов с Психеей душой,
Брёл один с помрачённой душой.
Стыло сердце тревожной раной,
Бился в сердце родник огневой, —
Горячей, чем поток огневой,
Что исходит из жерла вулкана
Зореи — с грозой ледяной,
Где мерцает, дымясь из тумана, —
Полус Смерти над бездной земной.

Брёл я с верной душою без веры.
Пепел слов хоронила листва,
Неземное шептала листва.
Мы, забывшись в страданье без меры,
Забывали мучительный год,
Светлых лет всегубительный год.
Забывали про тайну Оберы,
И не видели осень Оберы —
В тёмном мороке зарослей Нодд.

Развиднелось во тьме понемногу,
Время сдвинулось в звёздных часах,

Ночь сгорела в небесных часах.
Свет заоблачный пал на дорогу,
Раздвоился алмазно в глазах,
В серебре раздвоился двурого —
Свет Астарты, всеяющий страх,
Из иного, пылая двурого,
Сокрушил и развеял наш страх.

Молвил я: «То прекрасней Дианы —
Сад Астарты в эфире цветёт,
Свет эфирный в Астарте поёт.
Этот свет исцелит наши раны
У блаженных небесных ворот.
Озарит занебесные страны,
В неземное навек уведёт,
Сквозь созвездие Льва уведёт.
В тот предел, где из пепла-тумана
Лета в море Забвенья течёт,
Мимо логова Льва и обмана,
В мир бессмертной любви увлечёт».

Но Психея перстом погрозила,
И промолвила: «Бездна вдали!
Я не верю сиянию вдали...
Этот светится в бездне могила.
О, бежим от небесной Земли!»
Говорила, и дрожь её была,
Крылья бились в листве и в пыли.
И объяла нас тёмная сила,
Бились крылья Психеи в пыли,
Бились в пепельном прахе-пыли.

Я ответил: «Все страхи напрасны!
Нас омоет спасения свет,
Впереди воскресения свет.
В нём эфирного морока нет,
И Сивиллы пред светом не властны.
Лучезарен Астарты рассвет.
В новом Небе бессмертный рассвет.
Он владеет Вселенной бесстрастно,
Он — не морок эфирный, не бред.
Он дарует навеки пространству
Радость Божью — и страха в нём нет...
Это Бог нам дарует рассвет!»

И обнял я, целуя, Психею,
Чтоб спасти от неведомых дум,
Чтоб отвлечь от безумия дум...
Но превралась тропа, и — пред нею
Скелп вознёсся, высок и угрюм,
В круговом начертанье угрюм, —
И затмился, как солнце, мой ум.
И вскричал я: — Подруга Психея,
Что начертано там?! Улялюм?!
И в ответ: — Улялюм! Улялюм!
Ты забыл смерть-любовь Улялюм?!
Здесь могила твоей Улялюм!

И сражённый безумным ответом,
Задрожав, как сухая листва,
Как пред бурей сухая листва,
Я вскричал: «Будь ты проклята, Лета!
Осень смерти и смерти слова!
Минул год, как на кладбище этом,
Возле жуткого склепа, без света,
Я октябрьской ночью блуждал,
С бездыханною ношей блуждал...
Страшный год! Он зловещей кометой
Духов смерти из бездны воззвал,
И в Астарте таится астрал!
Да, припомнил я сумрачный Обер,
Души грешные в таинствах Нодд.
Вспомнил небо, упавшее в Обер,
Топь и призраков в зарослях Нодд...»

Правда без любви — ложь!
Любовь без Правды — ложь вдвойне!
Любовь — это вечный суд Правды...

Ворон

Тёмной ночью, ночью тёмной,
Утомлённый и бессонный,
В глазах древнего преданья разум истину искал...
Но над старым, странным томом —
Я поник в тяжёлой дреме,
И сквозь тёмную истому
Стук за дверью услышал:
«Это кто-то незнакомый, — прошептал я. — Перед домом...
Может, Бог его послал?»

Но привиделось вдруг ясно:
Прах декабрьский, мрак ненастный, —

И в камине уголь красный, догорающий дотла.
Ждал я света безучастно, —
И печаль свою напрасно, —
Мудростью избить пытался,
Будто ты не умерла, —
О, Линор, — земной мой ангел! О, Линор, — добыча зла! —
В сонме ангелов света!..

Штор пурпурных тёмный шорох,
Как потусторонний морок,
Шорох-морок запредельный содрогался в тишине.
Но смиряя страх тревожный,
Стал я повторять: «О, Боже!
Это друг забытый, давний
Постучался в дверь ко мне,
Или путник утомлённый, злою тьмою ослеплённый, —
Не со зла забрёл ко мне».

И тотчас, воспрянув духом,
Вопреки безумным слухам,
Я воскликнул: «Кто б там ни был, я едва услышал Вас!
Вы так робко постучали,
Что не слышал я в начале,
Но услышал в миг печали,
Отрешившись от всего...»
И открыл я резко двери, двери дома своего.
Тьма — и больше ничего!

Я застыл в объятьях ночи,
В темь слепую вперив очи.
Поглощали души грёзы, целовала тьма чело.
Ночь безумная молчала,
Тишина не отвечала.
Только имя прозвучало,
Но пред домом никого...
О, Линор, я молвил имя... Эхо унесло его!
Эхо — только и всего...

Я вернулся в дом в смятенье, —
И душа — горячей тенью —
Тихо таяла во мне. Но опять как бы во сне,
Повторился стук неясный,
Странный стук во тьме бесстрастной,
«Это ветер бьётся в ставни!
Ветер — только и всего... —
Сам себя я успокоил. — Нет за домом никого...
Ветер — больше ничего!»

Распахнул я ставни резко —
И взметнулась занавеска, —
И величественный Ворон из кошмара моего,
Ворон древности священной,
Словно Сфинкс иной Вселенной,
В комнату влетел из мрака,
Не пугаясь ничего.
Цепко сел на бюст Паллады. Прогони, поди, его!..
Ворон — только и всего!

Я всмотрелся без тревоги —
В чернь збена, профиль строгий, —
Вещей птицы, усмехнувшись, будто знал её всегда:
«Эй, угрюмый, вечный Ворон, —
Слишком строг ты, слишком чёрен!»
Страх мой сгинул без следа...
«Ты откуда и куда?!
Кто ты на брегах Плутона, где всегда темна вода?!»
Каркнул Ворон: «Никогда!»

Изнурённый от печали,
Изумился я вначале, —
Человеческому слову птица скорби не чужда!
Ведь не каждый смертный встретит
Эту птицу и приветит...
Вон она на бюст уселась
Величава и горда, —
Из предела неземного Чёрный Ворон — Смерть-звезда,
Ворон с кличкой «Никогда!»
С дрожью Ворона услышав,
Молвил я, как третий лишней:
«Без сомненья в этом слове чья-то тайная беда.
И над птицею не властен —
Тот, кто до конца несчастен,
Кто Вечну любви до срока
Отдал смерти навсегда.
Он, в чьих песнях — Смерть-звезда, —
Не воскреснет никогда!»

Погружаясь в бархат кресла,
Где когда-то, друг чудесный,
Ты была со мной, как песня, — и, казалось, навсегда!
И, казалось, клубы дыма —
Из кадилниц серафимов, —
Из иного, где не зрима —
В сонме ангелов Звезда.

Из забвенья неземного, возвратят Линор сюда.
Каркнул Ворон: «Никогда!»

Я вскричал себе: «Несчастный!»
С кем забудешь образ страстный?!
Где бальзам забвенья страсти?! Где, Господь, моя Звезда?!
Ворон вещей, ты ответь мне, —
Как забыть на этом свете —
Лучезарную Линору,
Светозарные года?!
Как забыть мне смерть Линоры и бессмертье — навсегда?!
Ворон молвил: «Никогда!»

«Эй, пророк злосчастный Ворон, —
Злойбы ты, как демон, полон...
Но ответь — зачем ты послан искусителем сюда?!
Пусть темна моя тревога,
Но прошу во имя Бога,
Отвечай, — в каких пустынях
Есть забвения вода?!
Где Эдем?! Где правда Божья?! Как забыться навсегда?!»
Каркнул Ворон: «Никогда!»

«Эй, пророк, дурная Птица,
Возвратись к истоку Стикса, —
Горной тьмою Галаада, по дороге в Никуда.
Но ответь во имя Божье —
Обрету ль я в невозможном —
Лучезарную Линору,
Что в Эдеме навсегда,
Перед святостью которой меркнет в страхе
Смерть-звезда?!»
Ворон гаркнул: «Никогда!»

«Скройся, адское творенье!
В этом слове — помраченье!
В слове смерти — знак разлуки, знак разлуки — навсегда! —
Я вскричал, поднявшись с кресла, —
Улетай с дурною вестью,
Выври лживый ключ из сердца,
Чтоб ни перьев, ни следа...
Улетай навеки в бурю, в ночь Плутона. В Никуда!»
Крикнул Ворон: «Никогда!»

И вцепился в бюст постылый
Демон бездны чернокрылый,
Будто позабыл дорогу, Смерть-дорогу — в Никуда.
С тенью демона разлуки —
Я в кругу бессрочной муки!
Тень объяла мою душу...
И осталось навсегда —
Позабыть Линор навеки — и шептать, как изо льда:
«Никогда... О, никогда...»

Никто!
Только сам человек
волен уничтожить
свою свободу.

Тревожный дол

Этот край цветущим был,
Лел эфир в огне светил.
Но пропали на войне —
Все навек в кровавом сне.
А когда-то звёздный хор
Полнил музыку простор.
А когда-то солнца луч
Ниспадал с лазурных круч.
Нежил сладостный покой,
В тёплых травах над рекой.
Но исчез навеки след
Этих радостных примет, —
И нигде покоя нет...
И не ветра свежий гул
Лес высокий пошатнул.
Нет, не ветер в лоне скал
С тихим облаком упал.
И молчит тревожный край,
Позабыв навеки рай.
Не сорвёт цветков рука,
И несутся, как века,
В грозном небе облака.
Но фиалками полна
В росном доле тишина.
Но, где лилии во тьме,
Там не жить тебе и мне.
Плач там слышен непрестанный
Над могилой безымянной.
И в дыму жемчужных рос —
Тихий свет Господних слёз.
И последняя слезинка,
Как бессмертная розинка.